

Великие художники России

Великие художники России!
Трудами вашими зажжен нетленный свет,
И он горит свечой неугасимой,
Потомкам светит через толщу лет.
Нет, не пропал он, русский дух, не вымер,
Хотя пришли другие времена.
Вошли в историю столбами верстовыми
Художников российских имена.

Андрей Рублев

Пусты и амбары и риги,
Черны от пожарищ поля.
От злого татарского ига
Устала родная земля.

И в келье за крепкой стеною
Молился подвижник – монах.
Но видел он время иное
В коротких провидческих снах.

Глядел он на лики святые,
Молился с усердием, но –
Но было письмо Византии
Сурово зело и темно.

А он вспоминал свое детство,
Поля бронзовеющей ржи,
И рядом в траве по соседству
Глаза васильков у межи.

Вон жницы белеет рубаха...
Нет, весь этот мир золотой
Господь сотворил не для страха,
Не для разоренья и войн.

Любовью, надеждой и верой
Насытить людские сердца!
И свечкою в келии серой
Горела душа чернеца.

И вот нарушая каноны,
Чтоб пищу болящему дать,
Он пишет другие иконы,
Из красок творя благодать.

Как древнее русское «Слово»
Звенит сквозь веков темноту,
Так фрески Андрея Рублева
На храмовых стенах цветут.

А в красках покой и согласие,
В них золото зреющей ржи
И жницы крестьянское счастье
И синь васильков у межи.

Саврасов

Тоскливый вечер. Слякотно и мглисто.
Сидит художник в грязном кабаке,
Дрожит стакан в его большой руке.
А был он первым русским пейзажистом.

Да, было время – был он и силен,
И чуть не всей России был известен
Пейзажами душевными, как песня.
В деревья, травы, в облака влюблен.

Щемящей нотой русскою звучит
Родной мотив, знаком и узнаваем -
Весенний воздух оглашая граем,
Вьют гнезда прилетевшие грачи.

Молвитинская старенькая церковь.
Капли звон, журчанье вешних вод.
Все потому так за душу берет,
Что писано не красками, а сердцем.

Теплом и влагой дышат облака,
И даже шелест веток слышен вроде.
Как символ Родины, как гимн родной природе
Его пейзаж пройдет через века.

...Дождливый вечер. Слякотно и мглисто.
Сидит Саврасов в грязном кабаке.
Давно уж пуст стакан в его руке.
А был он первым русским пейзажистом.

Сейчас он встанет, побредет куда-то
Безлюдной улицей по слякоти в ночи.
Уж воронье кружит, а не грачи
Над головой его всклокоченной, кудлатой...

Суриков

Сиенной жженой, красным суриком,
Мешая охру и крапплак,
Писал свои полотна Суриков,
Сибирский родовой казак.

Как белый снег, бледна Морозова.
Как найден розвальней разбег!
И в переливах нежно-розовых
Полозья режут рыхлый снег.

Писал густою краской истово
Камзол Петра, худой армяк,
Степана Разина плечистого,
Суров и мужествен Ермак.

В избе холодной, словно в камере,
Опальный Меньшиков сидит.
В картинах киками, платками ли
Своих боярынь он снабдит.

Был горд. Не каждого уваживал
Визитом. Духом не зачах.
И на прием к царю он хаживал
В смазных казацких хромачах.

Ему ни почести, ни милости,
Ни роскошь были не нужны.
И уж еще раз не женился он,
Когда остался без жены.

И расставался он с квартирами
Легко. Весь скарб – один сундук,
Набитый книгами, потирами.
Тут и пицаль, тут и чубук...

И у других – о том не спорю я -
Хватало красок и ума.
Но дышит русская история
В его холстах, как жизнь сама.

Неторопливо и несуетно,
Он прожил жизнь не за пустяк,
Великий живописец Суриков,
Сибирский родовой казак.

Врубель

Шаляпин во фраке ли, в шубе ль –
Всегда был велик и высок.
Но только услышу лишь – Врубель,
Как кровь ударяет в висок.

Комета стремительно выгнет
Дугой ослепительный хвост.
Кто и когда достигнет,
Врубель, твоих высот?

Твой «Демон» – цветы веерами.
То дивная сказка, то вихрь.
И краски ночными кострами
В холстах полыхали твоих.

Запекшейся крови короста
И рядом – оплывший янтарь.
Ты был невысокого роста,
Но духом – силач и бунтарь.

Смотрели на выставках в оба
И морщили узкие лбы,
Ругали тебя узколобые,
А ты – гениальным был.

Считали, что не в уме ты.
И лишь для немногих – кумир.
Из космоса яркой кометой
Ворвался ты в слякотный мир.

Нестеров

Христовы невесты, пустынноики...
Святая, пречистая Русь.
Березок нагих паутинники,
Берущая за душу грусть.

Под небом то серым, то синеньким
Вдоль берега тихой реки
Идут седовласые схимники,
Ветхи и, как воздух, легки.

Затих в предзакатном молчании
Осенний задумчивый лес.
Читают молитвы печальники,
Плывет над землей благовест.

Идут беззаветные белицы
На постриг. Платы на плечах.
И пламя под ветром шевелится
На тонких высоких свечах.

Рябина ли тонкая, верба ли –
В лесах затерялись скиты.
Все дни преподобного Сергия
С родною природой слиты.

В глазах его грусть вековечная,
Но думы легки и светлы.
И теплятся тонкими свечками
Березок осенних стволы.

Как трепетно чувствовал Нестеров
Земли неизбывную грусть!
Он видел Христовой невестою
Святую печальницу Русь...

Кустодиев

Судьба с ним обошлась жестоко слишком.
Но, сохраняя юношеский пыл,
Он Кинешму, поволжский городишко,
В цветные полушалки нарядил.

Возможности лишен к передвиженью,
Но памятью хорошей наделен,
Писал картины по воображенью,
В них воскрешая ярмарочный звон.

Форсят провинциальные франтихи.
Приказчики. Крестьяне в лапотках.
Дородные, дебелие купчихи
В тяжелых дородоровых платках.

Упряжки троек, расписные сани.
И кучера – свирепы и толсты.
Трезвоном маслениц и праздничных гуляний
Переливаются, звенят его холсты.

Веселый гомон ярмарок, базаров.
Церквушки златоглавые белы.
Жеманницы сидят за самоваром,
Как яблоки, румяны и круглы.

Вот в жаркой бане русская Венера,
Распущенные волосы густы.
Бог отпустил ей полновесной мерой
Здоровья, тела, женской красоты.

Красавицу, сидящую за чаем
С арбузом и топленным молоком,
Изображал он, не изобличая,
А с добродушным русским юморком.

Показывая Русь цветной, нарядной,
Не раз он нарывался на скандал.
Да, жизнь была не каждый день отрадной,
Но он такой Россию увидал!

Корин

Когда был полон непечатых сил,
По-палехски упряма и непокорен,
Задумал эпопею Павел Корин
Об уходящей кондовой Руси.

Руси страдальцы – он уж видел их
Под сводами Успенского собора,
Он понимал, что скоро, очень скоро
Сметет их всех безумства дикий вихрь.

Пятиметровый заготовлен холст,
И цветное найдено решенье.
Подвластен лишь душевному движенью
В своих эскизах он к картине шел.

Монахини, калеки, старики
Глядят в упор с громаднейших эскизов.
Церковных иерархов блещут ризы.
Черны, как ночь, скуфьи и клобуки.
В глазах такая сила – просто жуть!
Не мракобесы и не изуверы –
Русь уходящая, оплот последней веры –
Какою силой можно их согнуть?

Глаза их не от страха велики –
Они пойдут под пулю и на плаху,
Сменив лишь по обычаю рубаху
Да лоб октив знаменем руки.

Широкая расплющенная кость,
Мощь духа в желтых изможденных лицах.
Какая бы картина получится
Могла у Корины!.. Да вот не довелось...

Стоит стеной святой Руси редут
В одеждах черных, в золоченых ризах.
Они ушли. Но с коринских эскизов
Они теперь вовеки не сойдут.

И как извержение Везувия,
Непредсказуемо, вновь
Приходит она, как безумие
И как наважденье, - любовь!

Придет она, как наводнение,
Врасплох населенье застав,
Плотины круша, ограждения,
Ломая опоры моста.

Событие это стремительно,
Как молнии белая нить.
Любовь – это просто наитие,
Которое не объяснить.

